

Должно быть, из-за слишком долгого сна голова Сун Цимина трещала при каждом шаге, а шею немилосердно заклинило. Велев Шэнь Цзибай хорошенько отдохнуть, сам он устроился в тени раскидистого дерева, росшего прямо в крытом переходе. Мирское название этого зеленого исполина так и не пришло ему на ум. Голова оставалась тяжелой, а от выпитого вина хмель лишь сильнее ударил в затылок. Смутно, сквозь плотную пелену, Сун Цимин помнил, как подошел Сяо Бай, как ласково окликнул его и помог добраться до постели. А вот что было дальше — стерлось из памяти без следа.

Лишь много позже Сун Цимин узнал, что в тот день ему под руку подвернулся «Ваньсяньцзуй» — хмельной нектар, способный свалить с ног и десяток бессмертных.

Когда Шэнь Цзибай укладывал его, Сун Цимин совершил непростительную оплошность: он изо всех сил вцепился в юношу и принялся утыкаться лицом ему в плечо. Сяо Бай на мгновение совершенно опешил. Осознав, что учитель пьян в стельку, он попытался урезонить его и уложить на кушетку:

— Учитель, ложитесь. Поспите, и всё пройдет.

Немного поколебавшись, он несмело коснулся волос Сун Цимина, мягко погладив его по голове:

— Учитель, пора спать.

Сун Цимин никак не отреагировал на уговоры, лишь инстинктивно потянулся на звук голоса. Что-то невнятно пробормотав, он только крепче обхватил Сяо Бая руками. Тот едва закончил изнурительную тренировку с мечом, сил сопротивляться не оставалось вовсе, и, потеряв равновесие под весом чужого тела, он рухнул навзничь прямо на ложе, увлекая за собой учителя.

Цзибай оказался намертво прижат к постели, не в силах даже пошевелиться. Сун Цимин же, пребывая в глубоком беспамятстве, нащупал мягкое одеяло и, желая устроиться поудобнее, настойчиво пополз выше, тесня ученика. Кое-как извернувшись, Шэнь Цзибай высвободился и сел. Он уже собирался тихо выскользнуть из комнаты, как вдруг до его ушей донесся тихий, полный щемящей тоски шепот:

— Мама... как же я по вам скучаю...

Юноша замер. Протянув руку, он коснулся щеки учителя и ощутил влажные дорожки слез. Ему впервые довелось увидеть его таким — беззащитным, израненным тоской по дому. Сердце Цзибая болезненно сжалось. Горечь сиротства была ему знакома как никому другому.

Он бережно отер чужие слезы и тихо прошептал:

— Не грустите.

Он мягко положил ладонь на макушку Сун Цимина, успокаивая и баюкая его:

— Не плачьте... А если совсем неумогу, то поплачьте. Станет легче.

Сун Цимин притих. Его пальцы судорожно вцепились в рукав Сяо Бая, и он, уткнувшись лицом в подушку, окончательно погрузился в глубокий сон.

Минуты, годы, прахом развеются бывшие невзгоды, но всякий раз, вспоминая те дни, проведенные бок о бок с Сун Цимином, Шэнь Цзибай будет судить себя — предвзято и в то же время на удивление беспристрастно. Именно тогда, в полумраке тихой спальни, его сердце впервые предательски дрогнуло.

На следующий день, когда солнце уже перевалило за полдень, Сун Цимин наконец разлепил веки. Внезапное осознание того, что именно сегодня в ордене Цисинь назначено собрание для обсуждения дальнейших планов, заставило его подскочить как ошпаренного. Наспех натянув одежды, он вихрем вылетел из спальни.

С похмелья голова раскалывалась, а веки припухли, отчего шел он неровно, покачиваясь из стороны в сторону столь лихо и независимо, словно весь мир ему был не указ. Поливавший в саду цветы Цзибай поднял голову на шум шагов. Увидев заспанного и взъерошенного Сун Цимина, он почтительно склонился:

— Учитель.

Сун Цимин притворно кашлянул и завел руки за спину, пытаясь придать себе важный вид:

— Славно цветут. Хорошая работа.

Трудами Шэнь Цзибая некогда заброшенное Пространство Лююй преобразилось до неузнаваемости. Вокруг высились величественные горные пики, укутанные нежной дымкой облаков, в вышине кружили белоснежные журавли. В огороде на заднем дворе зеленели грядки с бахчевыми и овощами, а молодые виноградные лозы цепко взбирались по бамбуковым подпоркам. Все это настолько отличалось от того унылого пустыря, каким Пространство Лююй предстало перед ними впервые, что Сун Цимин на миг даже растерялся, не понимая, в какой стороне выход.

— Это лилейник, — мягко пояснил Шэнь Цзибай. — Он успокаивает разум и дарует крепкий сон.

Сун Цимин сразу уловил намек:

— Хочешь набить им подушку?

Юноша кивнул:

— Учитель, я подогрею для вас кашу.

— Не стоит, Сяо Бай. Мне нужно срочно навеститься в орден Цисинь. Вернусь ближе к вечеру.

Спорить тот не стал:

— Берегите себя в дороге, учитель.

Покинув пространство Лоюй, Сун Цимин в мгновение ока перенесся к воротам ордена Цисинь. Перед ним раскинулись священные горы, окутанные белесым туманом; парадные врата обители высились прямо на склоне хребта. На этот раз Сун Цимин твердо вознамерился расспросить Бессмертного Лу о странных делах, творящихся в Ичэне.

Цзян Шэюэ, едва прослышав о возвращении брата, со всех ног бросилась к Главному залу. Однако, влетев внутрь, она обнаружила там не только Сун Цимина и учителя Лу, но и остальных учеников. Атмосфера в зале казалась натянутой, почти зловещей. Когда разговор зашел о смуте в Ичэне, ее сердце пропустило удар, а пальцы судорожно сжались в кулаки.

— Учитель! — звонко произнесла она, шагнув вперед. — Шэюэ просит дозволения отправиться в дорогу вместе с третьим старшим братом.

Восседавший во главе стола Лу Чэнхуа на мгновение задумался, прежде чем ответить:

— Шэюэ, хоть этот путь и не сулит смертельных опасностей, дело касается судьбы простых жителей Ичэна. Именно потому, что мне ведомы твои чувства, я не желаю, чтобы ты покидала стены Ордена Цисинь.

— Учитель! Путь ордена Тан годами творил бесчинства, а теперь их когти дотянулись до Ичэна! Ичэн — моя родина, я не могу безучастно смотреть, как эти мерзавцы стирают ее с лица земли! Учитель! — Цзян Шэюэ опустилась на колени и низко, со стуком прижалась лбом к холодному полу. — Молю вас, сжальтесь!

Видя непреклонность своей пятой ученицы, Лу Чэнхуа лишь сокрушенно вздохнул:

— Глупая, я ведь стараюсь уберечь тебя.

В спор вмешался второй старший брат:

— Младшая сестра, в дела Ичэна сейчас лучше не соваться. Великий бессмертный Синшан лично предостерегал все праведные кланы: стоит нам вмешаться в эту смуту, как нити судьбы запутаются еще сильнее.

Первый старший брат мягко добавил:

— Сестрица, прояви благоразумие, послушайся учителя.

Четвертый младший брат, однако, рассудил иначе:

— Сестрица, оно, конечно, правильно все говорят... Но Ичэн — твой дом. Тебе и решать. Если твердо решила вернуться, я тебя поддержу!

Цзян Шэюэ одарила его полным признательности взглядом.

Спор затянулся на добрых полчаса. Братья яростно обсуждали, стоит ли отпускать девушку, взвешивали все «за» и «против», моделировали десятки возможных исходов — словом, занимались привычным для таких собраний делом. На фоне общего шума выделялся лишь Сун Цимин. Он тихо сидел на своем месте по правую руку от учителя, мелкими глотками пил остывший чай и не выказывал ни малейшего беспокойства.

Лу Чэнхуа, окончательно уставший от гвалта, повернулся к третьему ученику и в упор уставился на него:

— Третий, а ты что помалкиваешь? Каково твое авторитетное мнение?

Сун Цимин поперхнулся чаем:

— Я?..

Утерев губы, он обнаружил, что все присутствующие уставились на него в ожидании ответа. Стало немного неловко. Прочистив горло, он ответил с предельно серьезной миной:

— Учитель, вы ведь все равно никогда не слушаете моих советов.

Лу Чэнхуа усмехнулся:

— Твоя правда. Никогда не слушал.

Сун Цимин подпер голову рукой и лениво откинулся на спинку стула:

— К чему спешить с решением? Нам предстоит отправиться в Ичэн только через полгода. Когда император официально откроет городские врата, тогда и определимся со списками.

— Цимин прав, — согласился первый старший брат. — Шэюэ, вернемся к этому вопросу в следующем месяце. Сейчас у нас есть более насущная задача: отбор новых учеников для участия в Великом турнире боевых искусств, который состоится в будущем году. Нужно составить список кандидатов.

Цзян Шэюэ вздохнула:

— В этом году к нам пришло много одаренных юношей и девушек, а количество мест строго ограничено. Выбрать лучших будет непросто.

— Поступим по старинке, — предложил второй старший брат. — Устроим внутри ордена состязание на мечах. Оценим их успехи в учебе и выберем тридцать лучших из сотен претендентов. Кстати, Цимин, когда ты приведешь Цзибая? Оценочной палате необходимо проверить уровень его духовных сил.

— На днях заглянем, — коротко отозвался Сун Цимин.

Цзян Шэюэ решила перевести тему:

— Вообще-то, у третьего старшего брата сегодня к нам важное дело.

Лу Чэнхуа рассмеялся:

— Надо же! Неужто у нашего лоботряса появилось дело? Обычно тебя в Зал совещаний и калачом не заманишь.

Сун Цимин почтительно поклонился учителю:

— Я недавно принял новых учеников под свое крыло. Хочу просить вас, учитель, внести их имена в общий реестр ордена.

— О? Еще учеников? — Лу Чэнхуа удивленно приподнял брови. — Похоже, ты наконец-то взялся за ум.

Второй старший брат с хитрой усмешкой поднял два пальца:

— Двоих взял?

Сун Цимин в ответ продемонстрировал три пальца:

— Трех.

Четвертый младший брат от удивления чуть челюсть не выронил:

— Невероятно! Третьего старшего брата будто подменили. Неужто в него чужая душа вселилась?

Лу Чэнхуа погладил седую бороду:

— Имена?

Сун Цимин достал из широкого рукава свиток и легким пассом руки переправил его прямо к учителю:

— Здесь подробные сведения о каждом из этих ребятишек.

Развернув свиток, Лу Чэнхуа углубился в чтение, качая головой:

— Ну и ну. Раньше тебя силком заставляли взять хоть кого-то, а ты воротил нос. А тут сам, без лишних слов, привел троих.

— Учитель, признаться честно, в ночь на пятнадцатый день луны мне явился дивный сон, — с самым благообразным видом начал излагать Сун Цимин. — Явился мне старец в ослепительно белых одеждах и поведал, что близится великое бедствие. Он наказал мне набрать побольше учеников и пораньше готовиться к неизбежному концу. Проснувшись в холодном поту, я понял: сон этот — вещий. Я произвел расчет и выяснил, что судьбой мне предначертано принять еще троих последователей. К тому же, вместе веселее. По счастливой случайности я отыскал этих ребятишек, связанных со мной узами кармы. Сейчас они ждут в Гостевом зале. Обязательно взгляните на них позже — чудесные, смышленные дети, любо-дорого смотреть.

— Сдается мне, ты все это на ходу выдумал, — скептически хмыкнул второй старший брат.

Цзян Шэюэ прикрыла рот ладонью, тихонько рассмеявшись. Она-то знала истинное положение дел лучше других.

Сгорая от любопытства, четвертый младший брат вскочил со своего места и поспешил к выходу:

— Пойду гляну, что там за сокровища такие!

Однако прямо на пороге он нос к носу столкнулся с Шэнь Цзибаем, который, судя по всему, простоял там уже порядочно времени.

— Цзибай! — радостно воскликнул парень. — И давно ты здесь стоишь?

Сун Цимин, сделавший в этот момент очередной глоток чая, замер. Он медленно поднял взгляд как раз тогда, когда младший брат ввел юношу в зал. Почтительно поприветствовав старейшин и наставников, Шэнь Цзибай повернулся к учителю. Его лицо не выражало никаких эмоций:

— Учитель, вас ожидает Бессмертный Тао Жуй. У него к вам спешный разговор.

Сун Цимин поднялся, готовый покинуть Главный зал:

— Что ж, если появятся срочные дела, обсудим их завтра.

Стоило дверям за ними закрыться, как Лу Чэнхуа тяжело, сокрушенно вздохнул. На немой вопрос своего старшего ученика старец ответил с затаенной тревогой:

— Наш мир стремительно меняется. Если уж вечно праздный и беспечный третий у нас на глазах становится столь деятельным... Видно, небесные сферы и впрямь сулят великую бурю.

Цзян Шэюэ тоже почувствовала, как к сердцу подступает смутная тревога:

— Что, если слова брата о грядущей катастрофе — не шутка? Как нам тогда быть?

Между тем духовное воплощение Тао Жуя уже давно поджидало их в Пространстве Люй. Сун Цимин пригласил гостя на задний двор, где они принялись неторопливо перебрасываться фразами. Разговор шел обо всем на свете: о том, когда именно им предстоит отправиться в Ичэн, когда они устроят состязание по армрестлингу под добрую чарку вина и как скоро Сун Цимин заберет Тао Жуя из опостылевшего тому мира смертных.

— Пару дней назад я заглянул в город Надо, — рассказывал Сун Цимин. — Лю Цзуван с остальными все еще преданно ждали меня в лавке. Ну я и спросил ребят, не хотят ли они пойти ко мне в ученики. Кто же знал, что они согласятся без лишних раздумий! Хотя этот хитрый лис, Цао Юэпу, знатно поломался для виду.

— Вот и славно! — рассмеялся Тао Жуй. — С такой оравой скучать точно не придется, в твоём гнезде теперь станет шумно и весело.

— Боюсь только, как бы не оглохнуть от этого веселья, — покачал головой Сун Цимин.

— Скажи-ка, — Тао Жуй весело сощурился, — а своему старшему ты об этом поведал?

Сун Цимин мотнул головой:

— Нет ещё. Цзибай узнал обо всем только что, прямо в Главном зале.

— Выходит, поставил парня перед фактом? — хмыкнул собеседник.

— Какая разница? — пожал плечами тот.

— Ну уж нет, разница огромная! — покачал головой Тао Жуй. — Сун Цимин, посуди сам: если бы дело касалось тебя, тебе бы хотелось узнать такую новость от меня лично или услышать краем уха от посторонних?

Только теперь Сун Цимин осознал всю неловкость ситуации, но все же попытался отмахнуться:

— Ерунда. Сяо Бай не из тех, кто копит обиды. У него кроткий нрав.

— Эх, ничего-то ты в людях не смыслишь, — вздохнул Тао Жуй.

Как раз в этот момент на дорожке показался Шэнь Цзибай с подносом, уставленным чаем и свежими фруктами. Озадаченный словами приятеля, Сун Цимин принялся пристально вглядываться в красивое, благородное лицо своего старшего ученика, пытаясь уловить малейшие перемены в его настроении.

— Сяо Бай, — не выдержал он, когда юноша приблизился, — ты ведь не держишь зла на своего учителя?

Шэнь Цзибай удивленно посмотрел на него и мягко улыбнулся:

— С чего бы мне злиться на вас, учитель?

Сун Цимин онемел. Он ведь так и не успел объяснить, о чем идет речь.

<http://bllate.org/book/20145/2154593>